



ГЕРОЙ РѢШИМОСТИ.

(Военный историко-психологическій этюдъ).

Герой рѣшимости, описываемый нами, участникъ русско-японской войны, офицеръ N-го Восточно-Сибирскаго полка, штабсъкапитанъ N ¹⁾.

Въ ноябрѣ 1904 г., подъ Мукденомъ, русскія войска стояли близко къ японцамъ, почему были приняты всѣ мѣры къ возможно лучшему укрѣпленію своихъ позицій и болѣе удачному, сообразно мѣстности, распредѣленію воинскихъ частей.

На сторонѣ японцевъ находилась кумирня, которая, возвышаясь надъ окрестностями, служила прекраснымъ наблюдательнымъ пунктомъ для японцевъ. Всякое передвиженіе войскъ на нашей сторонѣ, малѣйшая переимѣна въ обстановкѣ были замѣчаемы японцами. И, конечно, ими тогда принимались соотвѣтствующія контръ-мѣры.

¹⁾ Хотя герой нашъ лицо дѣйствительное, но, въ силу нѣкоторыхъ обстоетельствъ, фамиліи не приводимъ.

Въ интересахъ русскихъ было или завладѣть кумирней, или уничтожить ее. По общимъ соображеніямъ, предполагалось за лучшее—уничтожить, взорвать ее, дабы она не служила наблюдательнымъ пунктомъ для противника.

Вступить въ открытый дневной бой изъ за кумирни считалось нежелательнымъ, а потому было предположено овладѣть этой мѣстностью ночью на короткій срокъ и съ помощью саперъ взорвать башню. Предполагали, что около кумирни находится около баталіона японцевъ.

Рѣшено: ночью послать охотниковъ на подвигъ.

Далѣе передаю по рассказамъ очевидцевъ.

Штабсъ-капитанъ N, его помощникъ и заурядъ-прапорщикъ съ 40 охотниками-солдатами вызвались взорвать кумирню.

Имъ позволили. И они ночью пошли.

На успѣхъ предпріятія, мы-очевидцы, да и они сами рассчитывали мало. Мы думали, что они идутъ на вѣрную гибель. Ибо, что могли сдѣлать 40 человѣкъ противъ предполагаемаго баталіона, укрытаго при томъ же въ окопахъ?

Но они пошли... Ночью, выйдя изъ заставы, раздѣлились на три отряда и пошли къ непріятелю. Одинъ отрядъ во главѣ со штабсъ-капитаномъ N пошелъ прямо, другой съ заурядъ-прапорщикомъ пошелъ справа въ обходъ, для демонстраціи, а третій составилъ резервъ на случай помощи тому или другому.

Прежде другихъ достигъ кумирни нашъ храбрый герой съ 12 солдатами-охотниками и, не дождавшись другихъ на помощь, смѣло вступилъ въ бой, какъ оказалось впоследствии, съ двумя ротами японцевъ (около 250 человѣкъ), которыя не выдержали смѣлаго натиска и бѣжали...

Наши храбрецы быстро заняли оставленные окопы и открыли по убѣгающимъ японцамъ огонь... Вскорѣ японцы опомнились и, догадываясь по стрѣльбѣ, что русскихъ въ окопахъ немного, повернули обратно и стали наступать, стремясь овладѣть только что потерянными окопами.

Но герои мужественно сдерживали натискъ японцевъ, пока наши саперы подошли къ кумирнѣ, притащили семь пудовъ пироксилина, провертѣли въ стѣнахъ дыры, вложили въ нихъ пироксилинь, зажгли его и взорвали кумирню.

Когда цѣль была достигнута—кумирня уничтожена, храбрецы счастливо отступили и благополучно вернулись къ своимъ позиціямъ.

Не правда-ли, героическій и красивый подвигъ!

Офицеръ— герой N съ отрядомъ въ 12 солдатъ *смѣло* идетъ на явную смерть, *храбро* выбиваетъ изъ окоповъ около 250 японцевъ, довольно продолжительное время *мужественно* сдерживаетъ обратный натискъ ихъ и, какимъ то чудомъ, уходитъ отъ непріятеля на свои позиціи.

Дѣйствительно, примѣръ, достойный подражанія!

Въ статьѣ: «Двѣ доктрины боевого воспитанія войскъ»—М. Энварльдь ²⁾ останавливаетъ вниманіе на одномъ насущномъ вопросѣ: «что, именно, предпринимается, чтобы скорѣйшимъ и вѣрнѣйшимъ образомъ подготовить армію къ предстоящей ей тяжелой дѣятельности на войнѣ, въ психологическомъ, или, если угодно, моральномъ отношеніи? Чѣмъ, помимо физической тренировки и выучки всѣмъ техническимъ тонкостямъ боеваго ремесла, обеспечивается, чтобы воображеніе, нервы и сердце бойцевъ за родину оказались въ состояніи выдержать внушительныя впечатлѣнія жестокой обстановки современнаго боя?»

М. Энварльдь, разбирая воспитательныя системы, приходитъ къ выводу, что при воспитаніи, какъ въ прошломъ, такъ и настоящимъ, руководятся двумя доктринами: первая — *романтическая* и вторая—*реалистическая*.

Абрисъ первой, *романтической*, доктрины:

Если хотите имѣть армію, морально готовую къ побѣдамъ, то въ такомъ случаѣ— и прежде всего— позаботьтесь, во-первыхъ, о суровой дисциплинѣ (субординаціи), а во-вторыхъ, о томъ, чтобы каждый воинъ, до послѣдняго, гордо поднялъ голову и заразился нѣкоторой дозой самоувѣренности. Внушите ему покрѣпче мысль о величіи его назначенія, объ исконной побѣдной славѣ и чести родныхъ знаменъ, о почитаніи отечествомъ героевъ воиновъ и ихъ громкихъ подвиговъ и т. п. Почаще выражайте увѣренность, что въ лицѣ вашихъ слушателей вы ожидаете увидѣть, въ будущемъ, такихъ же героевъ, и постарайтесь довести ихъ до того, чтобы каждый сказалъ себѣ въ сердцѣ своемъ: «да я буду героемъ, ибо я этого хочу!»

... Научите, конечно, арміи всему, что нужно для побѣды въ техническомъ отношеніи, но, ради Бога, остерегайтесь преждевременно развращать ея воображеніе (въ бесѣдахъ, уставахъ и тѣмъ болѣе въ постановкѣ учений и маневровъ) постыдными и тягостными картинами боевой дѣйствительности. Къ чему эти постоянныя рассу-

²⁾ М. Энварльдь. «Двѣ доктрины боевого воспитанія войскъ». «Военный Сборникъ», 1911 г. № 1.

Въ интересахъ русскихъ было или завладѣть кумирней, или уничтожить ее. По общимъ соображеніямъ, предполагалось за лучшее—уничтожить, взорвать ее, дабы она не служила наблюдательнымъ пунктомъ для противника.

Вступить въ открытый дневной бой изъ за кумирни считалось нежелательнымъ, а потому было предположено овладѣть этой мѣстностью ночью на короткій срокъ и съ помощью саперъ взорвать башню. Предполагали, что около кумирни находится около баталіона японцевъ.

Рѣшено: ночью послать охотниковъ на подвигъ.

Далѣе передаю по рассказамъ очевидцевъ.

Штабсъ-капитанъ N, его помощникъ и заурядъ-прапорщикъ съ 40 охотниками-солдатами вызвались взорвать кумирню.

Имъ позволили. И они ночью пошли.

На успѣхъ предпріятія, мы-очевидцы, да и они сами рассчитывали мало. Мы думали, что они идутъ на вѣрную гибель. Ибо, что могли сдѣлать 40 человекъ противъ предполагаемаго баталіона, укрытаго при томъ же въ окопахъ?

Но они пошли... Ночью, выйдя изъ заставы, раздѣлились на три отряда и пошли къ непріятелю. Одинъ отрядъ во главѣ со штабсъ-капитаномъ N пошелъ прямо, другой съ заурядъ-прапорщикомъ пошелъ справа въ обходъ, для демонстраціи, а третій составилъ резервъ на случай помощи тому или другому.

Прежде другихъ достигъ кумирни нашъ храбрый герой съ 12 солдатами-охотниками и, не дождавшись другихъ на помощь, смѣло вступилъ въ бой, какъ оказалось впослѣдствіи, съ двумя ротами японцевъ (около 250 человекъ), которыя не выдержали смѣлаго натиска и бѣжали...

Наши храбрецы быстро заняли оставленные окопы и открыли по убѣгающимъ японцамъ огонь... Вскорѣ японцы опомнились и, догадываясь по стрѣльбѣ, что русскихъ въ окопахъ немного, повернули обратно и стали наступать, стремясь овладѣть только что потерянными окопами.

Но герои мужественно сдерживали натискъ японцевъ, пока наши саперы подошли къ кумирнѣ, притащили семь пудовъ пироксилина, провертѣли въ стѣнахъ дыры, вложили въ нихъ пироксилинъ, зажгли его и взорвали кумирню.

Когда цѣль была достигнута—кумирня уничтожена, храбрецы счастливо отступили и благополучно вернулись къ своимъ позиціямъ.

Не правда-ли, героическій и красивый подвигъ!

Офицеръ— герой N съ отрядомъ въ 12 солдатъ *смѣло* идетъ на явную смерть, *храбро* выбиваетъ изъ окоповъ около 250 японцевъ, довольно продолжительное время *мужественно* сдерживаетъ обратный натискъ ихъ и, какимъ то чудомъ, уходитъ отъ непріятеля на свои позиціи.

Дѣйствительно, примѣръ, достойный подражанія!

Въ статьѣ: «Двѣ доктрины боевого воспитанія войскъ»—М. Энварльдъ ²⁾ останавливаетъ вниманіе на одномъ насущномъ вопросѣ: «что, именно, предпринимается, чтобы скорѣйшимъ и вѣрнѣйшимъ образомъ подготовить армію къ предстоящей ей тяжелой дѣятельности на войнѣ, въ психологическомъ, или, если угодно, моральномъ отношеніи? Чѣмъ, помимо физической тренировки и выучки всѣмъ техническимъ тонкостямъ боеваго ремесла, обеспечивается, чтобы воображеніе, нервы и сердце бойцевъ за родину оказались въ состояніи выдержать внушительныя впечатлѣнія жестокой обстановки современнаго боя?»

М. Энварльдъ, разбирая воспитательныя системы, приходитъ къ выводу, что при воспитаніи, какъ въ прошломъ, такъ и настоящемъ, руководятся двумя доктринами: первая — *романтическая* и вторая—*реалистическая*.

Абрисъ первой, *романтической*, доктрины:

Если хотите имѣть армію, морально готовую къ побѣдамъ, то въ такомъ случаѣ— и прежде всего— позаботьтесь, во-первыхъ, о суровой дисциплинѣ (субординаціи), а во-вторыхъ, о томъ, чтобы каждый воинъ, до послѣдняго, гордо поднялъ голову и заразился нѣкоторой дозой самоувѣренности. Внушите ему покрѣпче мысль о величій его назначенія, объ исконной побѣдной славѣ и чести родныхъ знаменъ, о почитаніи отечествомъ героевъ воиновъ и ихъ громкихъ подвиговъ и т. п. Почаще выражайте увѣренность, что въ лицѣ вашихъ слушателей вы ожидаете увидѣть, въ будущемъ, такихъ же героевъ, и постарайтесь довести ихъ до того, чтобы каждый сказалъ себѣ въ сердцѣ своемъ: «да я буду героемъ, ибо я этого хочу!»

... Научите, конечно, арміи всему, что нужно для побѣды въ техническомъ отношеніи, но, ради Бога, остерегайтесь преждевременно развращать ея воображеніе (въ бесѣдахъ, уставахъ и тѣмъ болѣе въ постановкѣхъ ученій и маневровъ) постыдными и тягостными картинами боевой дѣйствительности. Къ чему эти постоянныя рассу-

²⁾ М. Энварльдъ. «Двѣ доктрины боевого воспитанія войскъ». «Военный Сборникъ», 1911 г. № 1.

денія объ ужасахъ и «невозможностяхъ» современнаго боя, преждевременно возбуждающія трусость и малодушіе?»...

Вторая доктрина, *реалистическая*, для психологической подготовки будущихъ бойцовъ къ боевой обстановкѣ, считаетъ нужнымъ «честно, откровенно, правдиво и дѣловито познакомить воиновъ съ ихъ будущей дѣятельностью и ея обстановкою».

Они должны отчетливо сознавать, что война — не торжественная прогулка и даже не рядъ возвышающихъ душу боевъ, а сплошная мука бивачной, походной, сторожевой и боевой службы съ ея тягостями, лишениями, болѣзнями, потерями и.... кажущейся безцѣльностью и непонятностью. Что современныя войны выигрываются не лихими, самоувѣренными наскоками съ музыкой и распущенными знаменами, какъ пишутъ на картинкахъ, а настойчивымъ изморомъ врага, подползаніемъ къ нему шагъ за шагомъ, день за днемъ, ночь за ночью, нерѣдко подвергаясь крайнему истощенію, частнымъ неудачамъ и даже пораженіямъ, захлебываясь порою въ крови... Пусть, словомъ, будущіе бойцы знаютъ не только о величїи, но и великой трудности и самоотверженности своего призванія! И (пусть) на фонѣ реальнаго воспитанія ярче блестятъ для арміи имена историческихъ героевъ военнаго долга...

«Что же касается «воинственнаго» духа, то онъ состоитъ... въ сосредоточенной, серьезной рѣшимости, готовности на все. Только такая рѣшимость и даетъ побѣду».

Приведенное описаніе геройскаго подвига (со словъ очевидцевъ) отвѣчаетъ *романтической* доктринѣ.

Теперь же приведу описаніе того же подвига въ духѣ *реалистической* доктрины.

Вотъ описаніе, по личному признанію самого героя.

«Я самъ и товарищъ мой офицеръ, также какъ и я, доброволецъ, вмѣстѣ съ другими охотникамп-солдатами вызвались во чтобы то ни стало уничтожить кумирню, которая служила для японцевъ хорошимъ наблюдательнымъ пунктомъ.

Мы не знали силъ противника, но предполагали не меньше батальона. Насъ же всего — сорокъ. А такъ какъ сорока противъ батальона сражаться трудно и на успѣхъ прямой борьбы надѣяться было нельзя — мы рѣшились обмануть японцевъ.

Для этого предполагалось: ночью, пользуясь темнотой, напасть неожиданно на японскій редутъ, выбить японцевъ оттуда штыками и, выбивъ, удержать редутъ въ своихъ рукахъ столько времени, сколько

потребуется саперамъ для взрыва кумирни пироксилиномъ. Мы поставили себѣ задачей: «или достигь, или умереть».

Мы раздѣлились на три отряда.

Бывшій съ нами заурядъ-прапорщикъ пошелъ въ обходъ, производить демонстрацію сбоку. Я съ 12-ю охотниками надвигался прямо, то ползкомъ, то на четверенкахъ, съ перебѣжкой.

Товарищъ офицеръ шелъ сзади, составляя резервъ, имѣя задачей—прийти на помощь тому или другому.

Лишь только я добрался съ 12-ю охотниками до японцевъ на разстояніе 150—200 шаговъ, на душѣ стало жутко. Разстояніе 150—200 шаговъ позволяло намъ броситься на японцевъ въ атаку. Но подмоги, на которую я могъ рассчитывать изъ резерва или сбоку отъ заурядъ-прапорщика, я не видѣлъ и не слышалъ. Какъ оказалось впоследствии, заурядъ-прапорщикъ, старавшійся сдѣлать демонстрацію сбоку, попалъ въ ловушку. Другой—офицеръ съ резервомъ—заблудился и не могъ успѣть ко времени.

Настала критическая минута.

Итакъ, была пора идти въ атаку. Пули изъ окоповъ, гдѣ сидѣли японцы, летѣли какъ мухи. Подмоги никакой. И мнѣ стало *особенно жутко*.

Противъ воли, въ головѣ сидѣла мысль, что мы ничего сдѣлать съ японцами не сможемъ. Что значить 12-ть противъ 250—300, а мы тогда предполагали еще и батальонъ? Можно ли было надѣяться на успѣхъ? Конечно, нѣтъ.

И вотъ у меня наступила *минута тяжелой внутренней борьбы*—идти *впередъ* или отступить *назадъ*. Идти впередъ—неминуемая смерть... Идти назадъ—кличка «трусъ... струсилъ»... Идти впередъ—погубить всѣхъ 12-ть охотниковъ: имѣю ли я право? Идти назадъ—подвергнуть всѣхъ позору: «струсилъ». Въ эту минуту душевное состояніе самое отчаянное...

Секунды колебанія казались мнѣ бесконечно длительными. И мнѣ думается, въ эти немногія секунды я ужасно постарѣлъ... «И ты рѣшаешься запятнать себя позоромъ трусости»... ярко предстало у меня въ головѣ. Эта мысль о позоръ «трусости» прошла *холодомъ* по всему тѣлу... *И потомъ не помню* ясно, что было дальше. Я не колебался больше. Я бросился впередъ на вѣрную смерть... Я не посмотрѣлъ даже, есть ли со мною тѣ 12-ть охотниковъ, съ которыми я пришелъ; идутъ они за мною или отстали? Я стремглавъ бѣжалъ, имѣя въ головѣ лишь одну мысль не кричать и не стрѣлать,

чтобы одиночнымъ голосомъ или одиночными выстрѣлами не выдать своей малочисленности.

Когда я достигъ окопа, я ждалъ неминуемой смерти... Вскочивъ же въ окопъ, я безотчетно закричалъ во все горло команду, какъ будто командовалъ не 12-ю солдатами, а цѣлымъ батальономъ. Голосъ команды, какъ потомъ говорили, былъ слышенъ ясно на нашихъ позиціяхъ.

Бросившись въ окопы, мы сверхъ всякаго ожиданія, встрѣтили слабое сопротивленіе. Японцы при нашемъ появленіи разбѣжались. Мы заняли японскіе окопы и начали стрѣлять по убѣгающему неприятелю. Тутъ только я увидѣлъ, что со мной были всѣ 12-ть охотниковъ и никто изъ нихъ не отсталъ.

Японцы вскорѣ поняли, что насъ немного, и двинулись обратно выбивать изъ окоповъ. Исполняя намѣченную задачу, мы держались въ окопахъ, отражая наступающихъ японцевъ. Держались изо всѣхъ силъ, стараясь выиграть время, необходимое для взрыва кумирни саперами.

Казалось ужъ очень медленно шли саперы, таща семь пудовъ пироксилина. Казалось, ужъ очень медленно сверлили кирпичную стѣну кумирни; не спѣшили готовить взрыва, но все же... подошли; начали буравить дыры въ фундаментъ. Вложивъ пироксилинъ въ дыры фундамента, зажгли фитиль и рассчитавъ на 5 мин. до взрыва, давая возможность тѣмъ временемъ отступить, не подвергшись дѣйствию взрыва, закричали: «готово».

Какъ только я скомандовалъ «готово», мы всѣ бросились бѣжать отъ кумирни къ своимъ позиціямъ, стремясь убѣжать на разстояніе 500 шаговъ, чтобы не подвергнуться дѣйствию взрыва. Необходимо было бѣжать, какъ можно скорѣе; но я, горя нетерпѣніемъ, на нѣкоторомъ разстояніи обернулся, чтобы посмотреть, какъ взорвется кумирня? И я видѣлъ, какъ вдругъ все кругомъ освѣтилось: кумирня полетѣла въ воздухъ. Взрывомъ все смело и тамъ, гдѣ стояла кумирня, осталась ровная поверхность.

Убѣгая назадъ къ своимъ позиціямъ, мы узнали, что японцы, пользуясь нашимъ замедленіемъ въ окопахъ и получивъ резервы на подмогу, двинулись въ обходъ и насъ окружили. Намъ пришлось прокладывать путь штыками. Какъ все это было? И что было дальше? Не помню. Не помню даже, какъ я попалъ назадъ на свои позиціи. Припоминается смутно, что наши, принявъ насъ за японцевъ, встрѣтили ружейнымъ огнемъ. Не помню также и того, какъ говорили

потомъ, что, по прибытіи къ себѣ, у меня случился припадокъ съ судорогами».

Кто же такой нашъ герой помимо геройскаго подвига?

I. Свидѣтельство товарищей-сослуживцевъ.

«Истинныхъ героевъ въ настоящую войну немного, говорилъ офицеръ того же полка М—въ. Какъ на одного изъ такихъ укажу на штабсъ-капитана N-го Восточно-Сибирскаго полка N. Этотъ офицеръ—истинный герой войны и не по моему только личному признанію, но и по мнѣнію всего полка, въ которомъ онъ служить съ начала войны до настоящаго времени (11 мѣсяцевъ кампаніи). Онъ принималъ участіе во всѣхъ сраженіяхъ, выпавшихъ на долю полка, и всюду былъ на высотѣ призванія».

II. Свидѣтельство самого героя.

Черезъ два мѣсяца послѣ слышаннаго разказа о героѣ офицерѣ N, судьба привела меня увидѣть его самого.

Теперь, черезъ годъ и одинъ мѣсяцъ войны, герой нашъ, физически и нервно ослабъ и былъ привезенъ солдатами его роты на леченіе въ госпиталь, хотя онъ самъ хотѣлъ: «лучше умереть со своими, чѣмъ оставлять ихъ».

Штабсъ-капитанъ N—37 лѣтъ, роста средняго, съ виду сухощавый, блѣдный лицомъ; говоритъ немного заикаясь и во время разговора замѣтно волнуется, учащенно дышетъ и временами, то краснѣетъ, то блѣднѣетъ.

Вотъ его краткій *разказъ о своей дѣятельности на войнѣ.*

«Приѣхалъ я на войну съ Кавказа, по собственному желанію, имѣя стремленіе послужить военному дѣлу по совѣсти. Въ то время былъ совершенно здоровъ; ничѣмъ никогда не болѣлъ и вышивалъ лишь изрѣдка въ компаніи. Прибылъ я на войну въ самомъ ея началѣ въ N-й Вост. Сиб. полкъ во время стоянія на Ялу и, начиная съ Тюренчена, принималъ участіе во всѣхъ сраженіяхъ, выпавшихъ на долю нашего полка.

Терпѣлъ голодь и холодъ; спалъ подъ дождемъ; какъ пѣхоти-

нець, дѣлалъ большіе переходы на своихъ ногахъ; лѣтомъ жилъ въ палаткѣ; зимой въ землянкахъ. Нѣсколько разъ легко контуженъ. 16-го августа 1904 г. подъ Ляояномъ былъ раненъ двумя пулями (согласно медицинскому свидѣтельству—раненъ въ ноги двумя пулями на вылетъ). Черезъ 9 дней послѣ раненія пошелъ снова въ строй. 14-го ноября—съ охотниками солдатами взрывалъ кумирню у дер. Нангандзы (описанный выше, по разсказу очевидцевъ и его собственному, подвигъ).

29-го января 1905 г. въ землянку, въ то время, какъ только что онъ вышелъ, попалъ снарядъ осадного орудія. Всѣ его товарищи по землянкѣ были убиты или ранены. Начиная съ Ляояна (когда онъ былъ раненъ) сталъ особенно нервничать и раздражаться. Съ половины декабря 1904 г. сталъ страдать куриной слѣпотой; ночью ничего не видѣлъ. За послѣднее время сталъ заикаться, чего раньше не было; сталъ нервнымъ; появились припадки, съ потерей памяти во время припадка.

«По пріѣздѣ изъ Россіи на войну я легко переносилъ всѣ виды и ужасы. Убитые и раненые не производили впечатлѣнія. Но, начиная съ Ляояна, когда я сталъ болѣе нервнымъ и впечатлительнымъ, видъ крови и страданія раненыхъ, стоны и крики стали на меня дѣйствовать крайне непріятно».

«Да, пришлось много перенести всего», говорилъ герой: «терпѣть физически и морально, въ настоящую войну, было не легко. Но что же дѣлать? *Долгъ службы и военныя обязанности должны быть выше всѣхъ нашихъ невзгодъ*».

«Изъ 20 офицеровъ нашего полка, по моемъ пріѣздѣ, теперь въ живыхъ остались только трое. Да и тѣ расшатали свое здоровье».

«Я... съ разбитыми нервами. Другого видѣлъ на вокзалѣ... кричалъ: «я—японецъ... берегитесь... всѣхъ убью!»». Третій, оставшійся на позиціяхъ, непьющій и некурящій, за послѣднее время разговариваетъ самъ съ собой... И вотъ теперь я попалъ къ вамъ въ госпиталь, но я самъ, по собственной инициативѣ, никогда бы не пошелъ въ госпиталь съ позицій. Я не допустилъ бы заклеить себя «трусомъ и лодыремъ». Однако, мое *душевное состояніе* въ послѣднее время было настолько *тяжелымъ и невыносимымъ*, что *искренно желалъ умереть*. Въ послѣдніе дни я чаще выходилъ изъ за прикрытій... *Я жаждалъ смерти, какъ чего-то желаннаго и пріятнаго*... Оказалось, товарищи офицеры и мои друзья-нижніе чины давно наблюдали за мной и слѣдили, чтобы я не рисковалъ

жизнью. Когда я вышелъ на опасное мѣсто, они силой стащили меня въ окопы и силой увели къ врачу, прося его отправить меня въ Харбинъ—въ госпиталь, какъ несомнѣнно больного. Мнѣ было страшно *стыдно* ѣхать въ госпиталь, но было и *отрадно видѣть заботу* и жалость со стороны солдатъ и товарищей офицеровъ. Я согласился и поѣхалъ лечиться...»

III. Къ характеристикѣ героя изъ замѣтокъ въ дневникѣ ³⁾.

Въ офицерскомъ отдѣленіи харбинскаго N-го госпиталя лежать на койкахъ въ одной и той же комнатѣ офицеръ казакъ, участникъ сраженія при Инкоу, В. и нашъ герой. Направленіе мыслей обоихъ совершенно противоположное. Въ то время, какъ казакъ всюду видитъ неуспѣхъ и не вѣритъ въ будущее счастье русскаго оружія, находя его не на высотѣ своей задачи, другой—нашъ герой—вѣрить, *горячо вѣритъ*, по дѣтски, *въ успѣхъ* счастливаго окончанія войны для насъ, русскихъ. Вѣрить, что съ нашими стрѣлками, «*отличными солдатами*», можно дѣлать чудеса. Если бы были хорошіе генералы, то все сразу бы перемѣнилось. Лишь... отчужденность солдатъ отъ начальства вредить дѣлу. Но онъ вѣритъ въ счастье; вѣритъ, что русскій солдатъ съ вѣрой «въ папашу Линевиича» сдѣлаетъ чудеса... И нужно было видѣть, чтобы понять, какъ онъ глубоко чувствовалъ и переживалъ всѣ событія войны. При радостныхъ и утѣшительныхъ извѣстіяхъ о счастіи нашего оружія, въ первые дни мукденскаго боя, былъ веселъ; болѣе того, былъ просто въ восторгѣ. Онъ ходилъ изъ угла въ уголъ съ восторженнымъ лицомъ, жестикулировалъ руками и заплетающимся языкомъ увѣрялъ, что еще немного и японцы будутъ биты. При печальныхъ извѣстіяхъ—скудный и молчаливый, лежалъ на своей койкѣ и не говорилъ. На насмѣшки своего товарища сердился и увѣрялъ, что сегодня плохо, но завтра навѣрно наши побѣдятъ.

Несмотря на очевидную болѣзнь, онъ упорно просился на выписку, и даже съ трудомъ удалось удержать его. Онъ непремѣнно хотѣлъ ѣхать сражаться «со своими отличными солдатами» и ни за что не хотѣлъ уступить «своей сонки» японцамъ.

По мѣрѣ теченія мукденскаго боя, интересъ его къ военнымъ

3) Изъ записей въ личномъ дневникѣ во время войны, отъ 27-го февр. 1905 г.

событіямъ повидимому все болѣе и болѣе возрасталь. Всякаго входящаго свѣжаго человѣка онъ останавливалъ и разспрашивалъ: «нѣтъ ли чего хорошаго?» Но вотъ пришли извѣстія объ оставленіи Мукдена японцамъ и объ отступленіи русскихъ... Начали критиковать дѣйствія военачальниковъ... Онъ не выдержалъ... и заплакалъ навзрыдь. Бросился въ постель лицомъ въ подушки, заткнулъ себѣ уши и, болтая ногами, кричалъ: «не говорите, не говорите... о пораженіи»...

Реально-естественное направленіе, какъ видно изъ описанія, снимаетъ съ героизма весь «возвышающій самообманъ» и представляетъ подвигъ просто и открыто, хотя какъ выдающуюся военнo-боевую работу, но все же какъ работу и работу такого же обыкновеннаго, простаго человѣка, какъ и всѣ люди.

И подвигъ самъ не есть только красота, но въ то же время онъ есть трудъ, полный лишеній, страданій, скорби и риска своей жизнью.

Здѣсь, если мы удивляемся величію подвига и желаемъ подражать герою, то видимъ, что все это исполнимо для всякаго обыкновеннаго человѣка.

Быть можетъ реально-естественное описаніе подвига нашего героя сняло съ него божественные покровы и быть можетъ самъ герой безъ красивыхъ одеждъ героизма романтическаго направленія не достоинъ называться героемъ, а подвигъ — геройскимъ подвигомъ?

Посмотримъ, *кого мы можемъ и должны называть героемъ?* Независимо отъ формы жизнеописанія (романтическаго или реально-естественнаго направленія)?

Истино-героическая дѣятельность должна быть:

I. Сознательной и вытекать изъ принциповъ военнаго долга и обязанностей.

Нашъ герой N. вполнѣ сознательно (даже добровольно) шелъ на войну, принималъ участіе во всѣхъ дѣлахъ, выпавшихъ на долю полка, и вполнѣ сознательно шелъ на описанный подвигъ по взрыву кумирни. Вся его дѣятельность и подвигъ вытекали изъ принциповъ военнаго долга и обязанностей.

II. Дѣятельность должна быть не случайной, а постоянной и интенсивной, вызывающей удивленіе и невольное почитаніе къ нему со стороны окружающихъ лицъ.

Томась Карлейль ⁴⁾ говорить: «настоящій герой—всегда труженникъ». «Онъ первый рабочій на поденномъ трудѣ»...

И нашъ герой, по свидѣтельству его соотоварищей, «постоянный работникъ», никогда отъ своей обязанности неуклоняющійся выдѣляющійся изъ ряда обыкновенныхъ дѣятельностью, вызывавшей «удивленіе и невольное почитаніе».

III. Въ достиженіи поставленныхъ цѣлей герой не щадитъ своей жизни, здоровья и личнаго благополучія.

Описанный подвигъ по взрыву кумирни показываетъ, что N не преслѣдовалъ личнаго благополучія, рисковалъ и своимъ здоровьемъ и своей жизнью.

IV. Герой долженъ быть постоянной непоколебимой вѣрой въ успѣхъ дѣла, которому онъ служитъ, несмотря на всевозможныя препятствія и случайныя неуспѣхи.

Эта черта героя N вырисовывается изъ дневника ⁵⁾, приведеннаго выше. Въ продолженіе всей войны «онъ вѣрилъ въ успѣхъ»... И подь Мукденомъ—«вѣрить въ успѣхъ русскаго оружія»... После неудачи подь Мукденомъ сразу же вѣрить, что «русскій солдатъ съ вѣрой въ папашу Линевича» сдѣлаетъ чудеса»... Разговоры о возможныхъ будущихъ неудачахъ его раздражаютъ: онъ полонъ вѣры въ успѣхъ будущаго... и даже въ то время, когда онъ былъ уже больной...

V. Необходимо, чтобы дѣятельность заслуживала того, чтобы быть отмѣченной въ исторіи и подвигъ борьбы могъ быть преподаннымъ въ правоученіе и назиданіе потомству.

И этому требованію, если мы вспомнимъ описаніе подвига борьбы 12 человекъ съ 250 — 300, при отношеніи 1 : 20, вполне удовлетворяетъ нашъ герой N.

Отсюда, болѣе кратко: «военнымъ героемъ называютъ то лицо, которое проявило на войнѣ какой либо видъ удивляющей боевой дѣятельности: храбрость, смѣлость, рѣшимость, самообладаніе, терпѣніе, отвага, самопожертвованіе и т. п., достойный того, чтобы проявленный подвигъ былъ переданъ потомству въ поученіе и назиданіе» ⁶⁾.

⁴⁾ «Герои, почитаніе героевъ и героическое въ исторіи». Перев. съ англійскаго В. И. Яковенко, Спб. 1908 г.

⁵⁾ Мой личный дневникъ во время войны отъ 27-го февраля 1905 г.

⁶⁾ К. Кирковъ. «Записки по Военна Педагогя». Софія. 1900. Перев. съ болгарскаго прилож. къ «Военному Сборнику» за 1912 г.

Дѣятельность героя не всегда бываетъ красочной, выпуклой. Въ этой дѣятельности, какъ во всякой работѣ, бываютъ наиболѣе яркіе моменты, которые *особенно удивляютъ* и вызываютъ наибольшее почитаніе къ герою, какъ къ необыкновенному человѣку.

Такіе яркіе моменты военно-боевой дѣятельности называются *подвигами*.

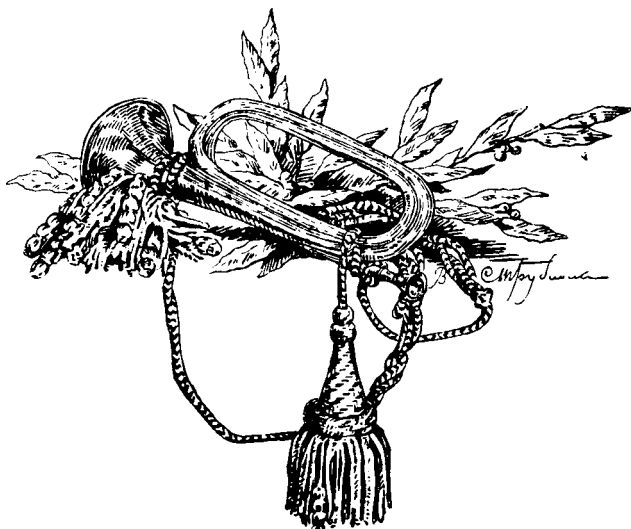
«Самъ же герой получаетъ въ исторіи эпитетъ того подвига, который наиболѣе изумлялъ его современниковъ и послужилъ къ наибольшей славѣ героя, какъ необыкновеннаго человѣка ⁷⁾».

Военная этика отмѣчаетъ, какъ выдающіяся воинскія качества (или воинскія добродѣтели), храбрость, смѣлость, рѣшимость, самообладаніе, терпѣніе, отвагу и др.

Герой нашъ N проявилъ и храбрость, и смѣлость, и терпѣніе, и самообладаніе, *но особенно онъ удивилъ рѣшительностью* идти, по его же словамъ, на вѣрную смерть.

Въ силу приведеннаго, описанный нами штабсъ капитанъ N-го Восточно-Сибирскаго полка N имѣетъ полное право именоваться, *истиннымъ военнымъ героемъ*, а по своему выдающемуся подвигу — *героемъ рѣшимости*.

Д-ръ *Т. Шумковъ*.



⁷⁾ Тамъ же Вологодская областная универсальная научная библиотека
www.booksite.ru